

Августа 16 (29)

Священномученик
Александр (Соколов)

Священномученик Александр родился в 1893 году в селе Озерово Тихвинского уезда Новгородской губернии в семье священника Николая Соколова¹. В 1915 году он окончил Новгородскую Духовную семинарию и поступил псаломщиком в храм села Ершова Череповецкого уезда Новгородской губернии. В 1916 году он был рукоположен в сан диакона ко храму села Мороцкого, а через год – в сан священника ко храму села Озерова, где прошло его детство, где он воспринял первые навыки церковной жизни и благочестия. В 1924 году о. Александр был переведен в храм села Ершова, где когда-то служил псаломщиком.

Сразу же по установлении советской власти начались гонения на Русскую Православную Церковь. Одна из форм, в которую выливались гонения, выражалась в требовании уплаты непомерных налогов и штрафов, которые в случае с о. Александром были настолько значительны, что, не имея средств заплатить их, священник вынужден был в 1924 году переехать с женой Елизаветой Александровной и тремя маленькими детьми в другое место, в Тверскую область, где он сначала служил в храмах Красно-Холмского района, а затем в селе Поречье Молоковского района.

Отец Александр все силы и время отдавал своей пастве. Местные власти запрещали служить молебны на полях и в домах прихожан, однако он, как это было принято до революции, регулярно обходил все деревни прихода. Видя его ревностное служение, паства ответно любила его. Несмотря на гонения и разрушение храмов, на то, что власти постоянно обирали приход и священника, церковь в селе Поречье ремонтировалась всякий раз, когда в том бывала нужда. Но всякий раз власти незамедлительно преследовали за это и священника, и прихожан.

В 1935 году прихожане покрасили и побелили храм, а оставшуюся от ремонта краску продали школе. Сразу после этого священник и староста были арестованы; священник был обвинен в спекуляции и приговорен к пяти годам исправительно-трудовых лагерей.

В те годы иногда еще было возможно, если священник не был обвинен в политическом преступлении, доказать свою невиновность. Областной суд, куда дело попало из районного суда, полностью оправдал священника, и о. Александр был освобожден². В то время, когда все, что имело какое-либо отношение к Церкви, безжалостно разрушалось, прихожане о. Александра выстроили вокруг часовни новую кирпичную ограду.

В конце апреля 1937 года председатель сельсовета вызвал в контору о.Александра и потребовал, чтобы он уплатил подоходный налог вперед за следующий квартал, а также аренду за землю, на которой стояли храм и церковные постройки.

– Не тратьте зря свои силы, – ответил о.Александр, – платить я не буду, так как не подошел срок платежей³.

И сказав это, священник сразу же из сельсовета ушел, не желая поддерживать пустой и небезопасный разговор.

Летом 1937 года сотрудники НКВД были оповещены о грядущих арестах всего духовенства и стали собирать о них данные. Чаще всего вызывались люди, готовые говорить и подтверждать что угодно. Один из таких рассказал сотруднику НКВД об о. Александре, будто тот сомневался в подлинности показаний подсудимых на открытых судебных процессах, где обвиняемые чересчур охотно и гладко очерняли себя и других, а также, что священник, отметив, что в районных магазинах не было хлеба, предположил, что хлеба нет потому, что местные власти дали завышенные цифры об урожайности, а центральные власти, взяв в соответствии со своими нуждами хлеб, постановили, что оставленного (в соответствии с цифрами) будет достаточно, и отказали району в снабжении мукой и зерном⁴.

Обвинить священника было не в чем, и осведомитель решил привести некий анекдот, будто бы рассказанный священником: "Из одной захолустной карельской местности крестьяне направили своего односельчанина к председателю ВЦИК товарищу Калинину узнать, почему сейчас берут во всем ускоренные темпы. В то время, когда этот мужичок пришел во ВЦИК со своим недоуменным вопросом, Калинин был сильно занят, он подвел мужика к одному окну и, указав на проходящий по улице трамвай, сказал: "Видал, а через пять лет их будут сотни!" Затем подвел мужика к другому окну, где был виден проходивший автомобиль, и сказал: "Видаешь, а через пять лет их будут тысячи!" Мужик уехал в деревню, и когда его стали спрашивать о результатах поездки, то он применил точно такой же способ объяснения. Сначала посмотрел в окно, где увидел, что по улице несут покойника, и сказал: "Видите, а через пять лет их будут нести сотни!" Затем, подойдя ко второму окну, увидел – идет нищий, и так же, обращаясь к присутствующим, сказал: "Видите, а через пять лет их будут тысячи!"⁵

Наступил июль 1937 года. Прошел Петровский пост, праздник апостолов Петра и Павла, память явления иконы Пресвятой Богородицы в Казани, когда стали доходить сведения об арестах священнослужителей. Отцу Александру становилось ясно, что его арестуют, после чего храм подвергнется кощунственному разграблению. И он сложил запасной евхаристический набор в камилавку и спрятал на чердаке храма. Туда же положил на престольный крест, дарохранительницу и лжицу.

27 июля 1937 года сотрудники НКВД арестовали священника и заключили в Краснохолмскую тюрьму. Допросили через три дня. Следователь спросил, чем занимался священник до и после революции. Отец Александр ответил, что до революции он занимался исключительно пастырской деятельностью, а после революции пришлось обзавестись небольшим хозяйством. Времена настали голодные, и подсобное хозяйство стало подспорьем, тем более что на руках была семья, два сына и дочь, все родились после революции, дочь в 1924 году. Хозяйство было небольшое: дом, амбар, сарай, гумно, баня, одна лошадь, две коровы, пять десятин земли. В 1929 году священнику было дано непосильное задание на сдачу сельскохозяйственных продуктов, и за невыполнение его хозяйство было описано и реквизировано.

Сельсовет по обыкновению выдал НКВД справку, где было сказано о необходимости ареста священника, так как он "привлекал на свою сторону отсталое население" и без регистрации в загсе отпевал покойников. "Считаем его социально опасным человеком для местного населения, который заслуживает высылки из местных пределов"⁶, – писал председатель сельсовета.

10 августа следователь вновь допросил священника.

– Когда и какие взгляды вы высказывали в связи с процессом над троцкистами во главе с Пятаковым?

– Я этим процессом интересовался и о нем читал, – ответил священник. – Из прочитанного у меня складывалось какое-то неверие в его действительность, меня удивляло то обстоятельство, что все подсудимые как-то даже хвастали своими контрреволюционными действиями, и все это я считал неестественным... Данными взглядами, насколько мне помнится, я ни с кем не делился, за исключением, возможно, своей семьи.

– Когда и какие взгляды вы высказывали в связи с затруднениями с хлебом?

– Создавшиеся затруднения в нашем районе с хлебом, так как мне хлеба в кооперации не отпускали, я лично расценивал как наличие вредительства у советской власти и создание этого умышленно руководителями. С другой стороны, у меня складывалось мнение, что крестьяне плохо относятся к обработке земли, а поэтому и создались затруднения. Своими взглядами я ни с кем не делился.

– Расскажите, когда и кому вы рассказывали, как крестьянин посетил председателя ВЦИК товарища Калинина, и в чем заключался их разговор о темпах.

– Году в 1935-м, а может быть, в 1934-м, точно я не помню, я шел по селу Поречье и встретившийся мне около казенки выпивший мужчина стал рассказывать что-то о темпах, но я его слушать не стал и ушел, я лично о разговорах товарища Калинина с крестьянином никому ничего не рассказывал.

– В чем заключалась ваша инициатива в постройке ограды вокруг часовни в деревне Степаньково?

– В деревне Степаньково я бывал очень часто, потому что в данной деревне проживает церковная староста, к которой мне по церковным надобностям приходилось часто ходить, но инициативы в постройке ограды у часовни я не проявлял, по чьей инициативе состоялась постройка ограды, мне неизвестно⁷.

На этом допрос был окончен. 25 августа Тройка НКВД приговорила о.Александра к расстрелу. Священник Александр Соколов был расстрелян 29 августа 1937 года⁸.

Игумен Дамаскин (Орловский)

«Мученики, исповедники и подвижники благочестия

Русской Православной Церкви XX столетия.

Жизнеописания и материалы к ним. Книга 3»

Тверь. 2001. С. 138-140

Дополнение

Двадцать лет спустя супруга о. Александра, Елизавета, написала прошение советским властям: "Мой муж Александр Николаевич Соколов был арестован НКВД. Причина ареста мне была совершенно не ясна. В последующее время мне сообщили, что Александр Николаевич Соколов осужден на десять лет с изоляцией. Его жизнь мне, как жене, была известна. Он не совершил никаких политических преступлений перед государством, но обжаловать приговор не было возможности, так как обвинительное заключение мне было совершенно неизвестно. В настоящее время прошло уже почти двадцать лет, но от него нет никаких сведений. Детей он воспитал в любви и преданности Родине. Один сын погиб на фронте Отечественной войны, а второй был три раза ранен и теперь инвалид. Прошу Вас амнистировать это дело, если он,

Соколов, жив. Если же он уже не жив, то тоже прошу сообщить об этом" (Архив УФСБ РФ по Тверской обл. Арх. № 9509-С. Л. 21-22).

Тогда же было проведено расследование на предмет реабилитации расстрелянного священника. Вызвали старосту храма, в котором когда-то служил о. Александр, Елизавету Федоровну Шитову.

– Что вы можете сказать о политических настроениях Соколова? – спросил следователь.

– Соколова я во всех отношениях знала как очень хорошего человека. Он очень душевно относился ко всем людям, каждому хотел в чем-либо помочь. С точки зрения политических настроений... я... никогда от него не слышала каких-либо высказываний, направленных против советского строя (Архив УФСБ РФ по Тверской обл. Арх. № 9509-С. Л. 23).

В том же 1957 году священник был реабилитирован.

Примечания

¹ Архив УФСБ РФ по Тверской обл. Арх. № 9509-С. Л. 6.

² Там же. Л. 18.

³ Там же. Л. 16.

⁴ Там же. Л. 18.

⁵ Там же. Л. 14.

⁶ Там же. Л. 8.

⁷ Там же. Л. 11-12.

⁸ Там же. Л. 19-20.